

ОЛЕГ **ДИВОВ**

ПРОФЕССИЯ: ИНКВИЗИТОР

Леди не движется

Леди не движется-2

Дама с собачкой

Настоящие индейцы

Великий Дракон

Новый мир

Война миров

ОЛЕГ **ДИВОВ**

**ВОЙНА
МИРОВ**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д44

Разработка серии и оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Михаила Петрова*

Дивов, Олег Игоревич.

Д44 **Война миров / Олег Дивов.** — Москва : Издательство «Э», 2016. — 544 с.

ISBN 978-5-699-85857-6

Все оказалось нелепо и страшно. Цепь жестоких убийств и терактов могла вывести инквизитора Маккинби к вождям заговора. Но заговора как такового нет, только драка за власть. Вместо революции будет переворот. Вместо Федерации — управляемый хаос. Вместо Нового Мира — гражданская война. Как и обещала Делла Берг — вас надули. Сразу всех.

На кону жизни миллионов и судьбы миллиардов людей. Если готовы отвечать за них — организуйте свой заговор. Пригласите беглого эльдорадского диктатора и его заклятого врага; звездных принцев и генералов; диссидентов и контрразведку; неудачливых религиозных деятелей, у которых увели из рук тоталитарную секту и продали новому хозяину. Хорошая компания. На подхвате — настоящие индейцы, гениальный программист и отставной сатанист. Станьте государственными преступниками. Иначе нельзя. Совесть не позволяет.

Трудно понять, кто друзья, кто враги. Трудно понять, кто следующая мишень. И где-то бродит русский диверсант: он вроде бы за наших, только у него проблемы в семье и плохое настроение.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85857-6

© Дивов О., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

А неплохо звучит: «Я устала от внешней политики». Эта фраза будет хороша в устах блистательной и неотразимой Офелии Гвиневеры ван ден Берг, княгини Сонно, на светском приеме во дворце. Небрежно бросить: ах, увольте, ваше превосходительство, я устала от внешней политики, мне случалось в молодые годы заниматься ею, а она занималась мной, ха-ха, и положительно утомила, давайте лучше поговорим о ваших чудесных лошадях.

На языке майора Берг утомление внешней политикой описывается куда как проще: мамаша Вальдес мне еще в Эльдорадо осточертела, да и сынок ее, честно говоря. Опекать интриганку, потерявшую влияние, но по-прежнему мнящую себя крупной фигурой, — спасибо большое. Вальдесиха еще наломает дров, это к гадалке ходить не надо, я сама вам гарантирую как великая колдунья индейского народа. Ну и пешка, уверенная, что она ферзь инкогнито, тоже не подарок. Энрике только и ждет, когда его начнут разыгрывать по-крупному.

Правда, есть одно «но»: игра может обернуться непредсказуемо для всех сторон. Игрокам кажется, будто они управляют процессом, только есть подозрение, что сами они — внутри процесса, которым рулит кто-то извне. А еще в игру лезет окровавленными лапами маргинальная секта, выпестованная нашей разведкой и отбившаяся от рук до такой степени, что великий Кид Тернер лег на дно и не рискует высунуться, а хитроумный и практически всемогущий Джет Ашен имитирует запой, да так одаренно, что даже верная секретарша вот-вот

бросит господина статс-секретаря. Никого кроме меня это не смущает, нет? Для эльдорадцев предчувствие государственного переворота — нормальное состояние, а земляне как-то отвыкли. Может, я поэтому нервничаю, глядя на Энрике и его драгоценную маму.

Я бы дорого дала, чтобы променять эту сладкую папочку на страшного-опасного Арриньо, от которого они сбежали. С Арриньо я не постыдилась бы поделиться своими страхами — естественно, в объеме, разумно достаточном для решения текущей задачи. А он в ответ не постеснялся бы честно сказать, что думает. Тоже, конечно, в разумных объемах. Но мы бы друг друга поняли, и те, кому надо — услышали наш разговор. Арриньо был политиком от Бога, умел играть, не прикидываясь, и обыгрывать, не обманывая. Он посто играл сильнее всех на своей территории.

Я по жизни практик и хорошо соображаю, когда надо решать тактические задачи. Сейчас тактической задачей оказалась пресловутая внешняя политика, и до меня впервые дошло, в какую западню я попала с Вальдесами. Опять попала, и опять с ними. Повторилась история моей нелегальной работы в Эльдorado: я не могу без приказа выйти из игры, а приказа не будет. Исполняйте свой долг, офицер Берг.

Раньше меня совсем не волновало, что непосредственная работа с диссидой целиком сосредоточена в руках военного министерства — это казалось естественным. С точки зрения официальной Федерации диссидентские миры как бы не существуют вовсе. Это даже не мятежные провинции, скорее просто неосвоенные территории, где орудуют неустановленные частные лица, которым надо бы дать по рукам. Федерация еще не успела призвать их к порядку, но обязательно призовет, территории освоит, и наступит там счастье. Бывают и исключения. Пока мы собирались с духом, прикидывая, как бы нам обустроить Сибирь, русские вполне могли стать диссидентами. У них для этого все было, включая царя, без которого они никуда, зато едва царь образуется — по-

пробуй к ним сунься. Ну, мы думали-думали, а русские уже сами надумали, что им с нами удобнее — и вошли в Федерацию на правах штата, вместе со всеми своими национальными особенностями и абсолютно неуместным по демократическим понятиям государем. И Федерация сделала вид, будто так и надо, лишь бы не было войны. А недавно выяснилось, что, пока мы опять собирались с духом, китайцы сами навели у себя порядок, страшно-ватый, но устойчивый, и у них тоже есть царь, даже целый император — не иначе, от русских нахваталась, — и мы в общем готовы признать этот прискорбный факт за норму, а нелегитимный Шанхай за суверенный Большой Китай. Потому что Китай действительно большой, и заранее не угадаешь, кто кого шапками закидает, если дойдет до конфликта... Легко проскочила этап признания маленькая пограничная Куашнара, всем настолько удобная в статусе транзитной зоны, что проще было ее милостиво простить и обозвать государством, чем пилить на части с тем же Шанхаем, простите, Китаем, и неминуемо упустить кусок в жадные лапки Эльдорадо.

А с Эльдорадо у нас — проблема. Мы с самого начала были вполне в состоянии задавить их военной силой. Но это дорого, чревато потерями и вообще негуманно, а особенно негуманно в том смысле, что китайцы тут же шархнут по нам с фланга. Поэтому, до достижения прочного мира с Шанхаем — о чем наши и не мечтали, — куда умнее казалось зажать диссидентов в кольцо военных баз и перейти к тайным операциям. Либо выпестовать более-менее вменяемого диктатора, либо довести Эльдорадо до полной разрухи. На словах это звучало очень мило, только закончились тайные операции созданием Ордена Евы, кровавой баней в Куашнаре, массовыми убийствами по всей Федерации, а теперь и на Земле.

И нравится это мне или нет, а ведь если искать виноватого, кто всю кашу заварил, ответственность за такой печальный исход должна нести специальная военная разведка. А в конечном счете, ее управляющий орган — Министерство обороны, и конкретно Колин Ронту с

Джетом Ашеном. И я бы семь раз подумала, кто более достоин показательной порки. Ронту, конечно, редкостный хлыщ и скользкий тип, но будем справедливы, он еще не родился, когда ситуация уже пошла по самому дрянному сценарию. Многого он просто не знает. Вдобавок наш министр существо гражданское, политик, задача которого — навести порядок в военном ведомстве. Он в основном думает, как бы выслужиться перед Сенатом. А вот его девяностолетний заместитель по национальной безопасности, прожженный старый черт, обязан знать все и отвечать за все.

А он пытается распутать то, что сам помогал запутать, и похоже, окончательно запутался.

Я в Эльдорадо узнала много такого, о чем предпочла забыть. Мне довелось увидеть ту работу разведки, к которой я всю жизнь мечтала приобщиться, достойную искреннего восхищения. А потом — ее теневую сторону, достойную только отвращения, как бы ты родину ни любил, как бы ни был готов ради нее даже сдохнуть. Теперь я наконец-то сложила два и два — и внешняя политика Федерации обернулась той самой тыльной стороной, которая меня, мягко говоря, озадачивала.

В основном делают эту политику случайные люди и мимоходом. У них вообще другие интересы. Они деньги зарабатывают, делят зоны влияния, перенаправляют транспортные потоки... Воруя, короче говоря. Или, что еще страшнее, уверенной рукой ведут народы к свободе и радости. Другой рукой приворовывая.

Может, я сама потихоньку становлюсь диссиденткой, а может, просто сказала работа у Августа и опыт последних лет, напрочь развеявший многие иллюзии. В Федерации все выглядит хорошо продуманным, и вообще хорошо выглядит, но за красивым фасадом что угодно может оказаться никуда не годным. На какие-то вещи мы просто закрываем глаза — привыкли. А так не должно быть. И в ситуации с Эльдорадо для меня очевидно: нарушено то, что разведка зовет «связностью операции». В Сенате уверены, будто они знают, что нам

делать с Арриньо — черта с два, это Арриньо вас сделает два раза. Нет, при всем моем уважении, доктор Арриньо не настолько хорош, чтобы в одиночку перехитрить всю Федерацию. Просто у Джета Ашена на его счет особое мнение, и он позволит диктатору сыграть, как считает нужным. Кстати, у мамыши Вальдес тоже свое мнение. И у Энрике. И совсем особое мнение у того, кто стоит за Орденом Евы. Надеюсь, очень надеюсь, что какое-то мнение есть у сибирской контрразведки. Прямо хочется позвать Диму Павлова и попросить его сделать что-нибудь поистине ужасное, чтобы этот бардак с перепугу закрылся.

Извините, но в терминах майора Берг это именно бардак, а никакая не внешняя политика. А на кону вообще-то судьбы миллионов людей. И моя заодно. И моего сына.

Слишком многое отдано на откуп тем, кто, по идее, такие вопросы решать не должен. Слишком многое зависит от преданности и доброй воли исполнителей. Так нельзя ни воевать с эльдорадцами, ни договариваться. Так вообще нельзя вести дела. Я уже это видела. Я знаю, чем это кончается.

Как тогда, в Эльдорадо.

Часть первая

Золотой Мехико — один из самых прекрасных городов в мире.

Он чудесен днем, когда его белоснежные здания заливают солнце. Он чудесен вечером, когда включается иллюминация, а на улицы выходят нарядные люди. Он чудесен ночью, когда его площади, скверы и величавые набережные пустеют. Но чудесней всего он перед рассветом, когда многоцветная иллюминация смешивается с робкими лучами розовой зари.

Я проверила список заказов из бесплатной диспетчерской. Ничего привлекательного. Зарабатывая я чуть побольше, купила бы абонемент в диспетчерской сеньоры Перес. Там всегда хорошие клиенты. Еще сеньора Перес бережет девушек-таксистов и старается подбирать для них вызовы к женщинам. Пожилым богатым женщинам.

Впрочем, вот есть заказ. Дама с сыном-подростком, место для клетки с котом и два багажных места. Из Центра в Лощину. Семьдесят пять километров в один конец. Вполне успеваю выехать за черту города до семи утра. Если клиентка не провозится с погрузкой. После семи утра я не имею права брать клиентов в городе. Если поймут, штраф уничтожит все мои сбережения на черный день. Конечно, мне не надо копить на старость, но при моем образе жизни черный день может случиться раз в неделю, а я тут на самообеспечении. К тому же я терпеть не могу Лощину, ее высокомерных женщин, ее напыщенных мужчин, ее жестоких детей. Не поеду. Пусть даму везет кто-нибудь менее чувствительный к униже-

нию. А я — домой. Вряд ли будет другой заказ, который я успею выполнить до семи утра.

И я повернула на набережную Генерала Франца.

Очень люблю это место. Набережная Франца — не самая шикарная в Мехико. Здесь нет фонтанов и пятиметровых ажурных подставок, увитых тропическими цветами, как на набережной Святой королевы Изабеллы. Нет храмов и арок в римском стиле, как в сквере Памяти Идальго. Нет роскошных ресторанов, театра и сквера, как на площади Принца Фелипе. Здесь только бесконечная, во всю длину набережной, платановая аллея — граница городского парка — и красиво подстриженный газон. Зато именно отсюда лучший вид на мост Святого Доминика. Загляденье просто.

Начинало светать, поэтому загадочную группу людей я увидела издали. Машина у обочины, брошенная с нарушением правил парковки, и четверо мужчин у самого паркета. Машина дорогая, «Севилья», а мужчины — типичные завсегдатаи клубов для рабочих. Странно. Только один хорошо одет.

Через секунду я поняла, что это ограбление. Понятия не имею, зачем богатый парень остановился и вышел говорить с бандитами. Я сбросила скорость, перестроилась так, чтобы подъехать вплотную, и левой рукой машинально коснулась бейсбольной биты, закрепленной сбоку от сиденья.

Драться мне не пришлось. Завидев мою машину, один бандит побежал к «Севилье», другой ударил богатого мужчину в лицо так, что тот обмяк, и вдвоем с третьим перекинул тело через паркет. Я ахнула — это же убийство! Но трое прыгнули в «Севилью» и тронулись с места аккуратно, когда мне осталось до них пятьдесят метров.

Конечно, я не погналась за ними. Я отправила сигнал SOS в полицию, вместе с фотографией «Севильи», и выскочила посмотреть, нельзя ли помочь мужчине в реке.

Тела я не увидела. Течение здесь было слабое, и глубина не очень большая. Вроде бы ему ничего тяжелого к

ногам не привязывали... Я схватила буксировочный трос, пристегнула к машине и прыгнула в воду.

Тело нашла сразу, к счастью. Будь немного светлее, я бы увидела его с парашюта. Но это не спасло бы человека — он упал лицом вниз. Я перевернула его, оттолкала к самой облицовке, где под водой, я знала, был небольшой выступ. Летом, когда наступала жара, на этих выступах вдоль всей реки загорали детишки из бедных семей, те, которым родители не могли купить билет на пляж. Я усадила мужчину на этот выступ, обмотала тросом — к счастью, длины хватило буквально впритык, — проверила, насколько крепко сидит. До ближайшей лестницы с набережной к воде было около ста метров, я проплыла их махом.

Наверху меня накрыло волной озноба — легкий ветерок прохватил до костей, а мокрая одежда и волосы добавили неприятных ощущений. Я плюхнулась в машину, стараясь не думать о том, что выспаться мне сегодня не суждено, и вообще день пропал, потому что придется сушить салон. Аккуратно стронулась с места, все время оглядываясь. Когда на уровне парашюта показалось безвольное тело, остановилась.

Я сломала три ногтя, когда перетаскивала мужчину через парашют. Проклятье, где же полиция? Они должны были приехать уже давно! Надо бы, по идее, вызвать медиков, но эти явятся еще позже, а сейчас дорога каждая минута. Кажется, придется самой откачивать его.

Когда полиция все-таки приехала, мужчина уже кашлял. Совсем молодой, невольно отметила я. Довольно красивый. Ухоженный. Явно не военный. Он моргал, растерянно смотрел на меня темно-кариими, практически черными глазами и ничего не понимал.

— Кто вы? — спросил он наконец.

— Долорес Кастро, — ответила я. — Таксистка. Я видела, как вас бросили в реку, и помогла выбраться.

Он мученически закрыл глаза. Хотел что-то сказать, но снова зашелся кашлем.

Полицейские оттеснили меня от него. Я не слышала, о чем они говорили. Потом занялись мной. Я сдала им

копию записи со своего регистратора, и в принципе на этом их интерес ко мне иссяк. Понятно, что потом меня еще несколько раз выдернут в полицию — давать устные показания, — но прямо сейчас мне разрешили убираться восвояси.

Мужчина тем временем поднялся на ноги. Полицейские убеждали его поехать в госпиталь, а он отказывался. До моего слуха донеслось: «...вызову такси, не так уж это и сложно». Конечно, удержаться я не могла:

— Сеньор, зачем вызывать, я уже здесь, и у меня есть еще целый час для работы. Если сеньор живет неподалеку, я с радостью отвезу его. К тому же это будет лучше, чем ждать другую машину. Сеньору лучше не стоять на ветру, можно простудиться.

Строго говоря, с моей стороны это было форменное хамство. Мужчины такого круга не ездят на дешевых такси. И даже предлагать им свои услуги не рекомендуется. Мы, таксисты на арендованных машинах, клиенты бесплатной диспетчерской, для них не лучше попрошаек или женщин легкого поведения. Такого человека, в случае беды, прекрасно довезет полиция. Но я видела, что его воротит от полицейских. Он брезговал ими.

Конечно, на меня зацыкали. Даже хотели объяснить, где мое место. Но мужчина прекратил разговоры одним властным жестом и пошел к машине:

— Хорошо. Ехать недалеко.

Я распахнула перед ним дверцу. Он застыл:

— Простите, у меня одежда мокрая.

Какой вежливый! И совершенно не заносчивый.

— Не беспокойтесь, сеньор, у меня тоже. Садитесь, я сейчас включу отопление, чтобы вы согрелись.

Он сел на заднее сиденье. И уставился мне в лицо так удивленно, так пристально, что стало не по себе. Может, он меня где-то видел? Не дай бог, конечно. При моей профессии подобные случайные встречи — однозначный провал.

— Что-нибудь не так, сеньор?

— Вы очень красивая девушка.

Я улыбнулась:

— Так вы готовы ехать?

— Ох, да, конечно.

Он так и пялился на меня, когда я вырулила на проезжую часть.

— Вы тоже... в мокрой одежде.

Он выговорил это с таким усилием, что я чуть не засмеялась. Вот что значит воспитанный мальчик! Ему неловко показывать, что девушка в недолжном виде, а он это заметил. К тому же мокрая ткань облепила мое тело, а мальчик, наверное, никогда не приставал к служанкам в своем доме. И бедная девушка для него — тоже человек.

Он попросил отвезти его в Родники — самый старый квартал Мехико. По легенде, там размещался лагерь первых колонистов, открывших чудесную планету, и посреди квартала до сих пор сохранялась плешка выжженной земли — якобы место посадки кораблей. Я точно знала, что три корабля первой экспедиции сели на низкое плато в ста пятидесяти километрах отсюда, в предгорьях, и лишь через десять лет перебрались сюда, на берег реки. А выжженная плешка осталась от бандитской войны, когда три группы колонистов делили право на столицу. Собственно, в анналах Эльдорадо та война значится как Первая Гражданская, но, мне кажется, много чести — называть Гражданской войнушку, в которой всех участников, считая нон-комбатантов, насчитывалось около двенадцати тысяч рыл, а суммарное число жертв убитыми и ранеными не дотягивало до пятидесяти человек. Ну и длилась она две недели, пока одна из трех сторон конфликта не раздобыла несколько ракет, посредством которых заставила противников капитулировать. Генерал Франц, на набережной имени которого я так люблю бывать, вообще-то исходно был американским сержантом мексиканского происхождения. Когда началось Рассеяние, он решил, что зря тратит время на службе, быстренько сбил банду, захватил корабль и подался на поиски лучшей жизни. Лучшую жизнь нашел в Эльдорадо. Победив конкурентов, стал первым мэром Мехико, тогда состоявшим из бараков и палаток, а

его сообщники — родоначальниками большинства семей, поставивших хунте новых генералов и диктаторов. Иногда Франца называют первым диктатором, хотя диктаторство сложилось как институт спустя восемнадцать лет после его смерти. Умер Франц в возрасте тридцати девяти лет от глистной инвазии, которую здесь называют «нильской лихорадкой». Не оставил по себе ни потомства, ни доброй памяти. Собственно, поэтому в Золотом Мехико его имя дали скромной набережной — совсем не почтить нельзя, но и восхищения этот патологически жестокий человек не заслужил.

Что касается Родников, то здесь исходно селились самые влиятельные люди — возле ключей с чистой водой, не зараженной глистами. Сегодня Родники слыли истинно аристократическим кварталом, хотя из-за тесноты и «естественной» планировки жить здесь было неудобно.

Я это место знала лишь по карте, а заехала впервые. Остановились перед высокими воротами. Охранник в форме сержанта подошел, нагнулся к окну. Я знала, что он хочет сказать: мотай отсюда, пока колеса не отстрелили. Поэтому я сразу отклонилась так, чтобы было видно моего пассажира.

— Пропусти, — приказал ему пассажир.

Охранник переменялся в лице и побежал открывать.

— Мне подъехать к дому? — уточнила я.

— Да, пожалуйста. Я хотел бы поблагодарить вас.

— Ну что вы, сеньор! Это совершенно ни к чему.

— Нет-нет. У вас сиденья промокли, вы не сможете работать. Я скажу механику, чтобы привел машину в порядок. А вам нужна сухая одежда, иначе вы заболаете. Я не могу допустить этого.

Дальше была суета, бегодня прислуги, моего пассажира с охами и причитаниями увели в дом. Я осталась. Через минуту к машине подошли лейтенант и сержант.

— Выходите, — приказал лейтенант, впрочем, довольно мягким тоном. Ну привык человек командовать, что ж теперь. — Вас проводят в дом.